

С. КИМУРА и Е. НАКАМУРА

## Изучение древнерусской литературы в Японии

С тех пор как в конце 1880-х годов Симэй Футабатэй (псевдоним Тацуносукэ Хасэгава)<sup>1</sup> впервые перевел на японский язык несколько повестей И. С. Тургенева, русская литература XIX и XX вв. всегда пользуется большой популярностью среди японской читающей публики. В настоящее время почти все произведения выдающихся русских писателей после А. С. Пушкина доступны в переводе для японских читателей. В то же время под благотворным влиянием русской литературы выросло много талантливых писателей.

Однако если в течение 60—70 лет в Японии русская литература нового времени читалась с удивительной жадностью, то на памятники искусства слова XI—XVII вв., говоря без всякого преувеличения, до последнего времени не обращалось никакого внимания. Самым большим препятствием, мешающим японским читателям подойти к древнерусской литературе, был язык. Правда, с конца прошлого столетия русский язык преподавался более или менее интенсивно во все увеличивающемся числе учебных заведений. Однако в этих учебных заведениях преподавали русский язык в большинстве случаев для того, чтобы удовлетворить практическим требованиям или же знакомить молодежь с новой русской литературой. Русский язык древнего периода более или менее игнорировался.<sup>2</sup> Следовательно, красота древнерусской литературы оставалась скрытой от любопытных глаз японских читателей. Отсутствие филологической подготовки ощущается и теперь в большей части переводов и исследований по древнерусской литературе. Кроме того, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что вообще изучение русской и советской культуры находилось долгое время в невыгодном положении по причине предубеждений, независимых от науки.

Первые опыты изложения истории русской литературы, которые появились в Японии в 20-х и 30-х годах настоящего столетия (I, II),<sup>3</sup> уделяли лишь несколько страниц древней эпохе русской литературы, но и там нельзя найти ничего другого, кроме простого, притом не всегда точного, перечисления литературных памятников старины.

Первой работой, которая обратила внимание японской публики на историю и литературу древней Руси, был перевод русских летописей, сделанный Еситаро Экэмура (III, IXa, XVa). В качестве оригинала переводчик пользовался сокращенным переводом Начальной, Киевской и Галицко-Волынской летописей на современный русский язык (Древнерусские летописи, под ред. В. Лебедева, пер. В. Панова. Academia, М., 1936). Перевод, сделанный этим опытным переводчиком, весьма точен и имеет своеобраз-

<sup>1</sup> Транскрипция японских имен и слов, кроме Токио и Киото, сделана согласно правилам, принятым «Японско-русским словарем» под ред. Н. И. Фельдман (М., 1951).

<sup>2</sup> Об изучении русского языка в Японии см.: С. Кимур а. *The Study of Russian in Japan* — Word, IX (1953), 4, стр. 349—353.

<sup>3</sup> Здесь и ниже даются ссылки на «Библиографию», помещенную в конце статьи.

ную прелесть. Он представляет собой краеугольный камень в области изучения древнерусской литературы в нашей стране. Е. Ёкэмура, будучи сам литературным критиком, подчеркивает художественное значение древнерусской летописи в предисловии к первому изданию своей работы. В конце книги дан краткий очерк по истории древней Руси с целью помочь читателю в понимании этого памятника. Работа Е. Ёкэмура, изданная во время второй мировой войны (1942 г.), выдержала несколько изданий и после войны.

Переводы «Слова о полку Игореве» на японский язык были, за единственным исключением, также сделаны с современного русского текста. Выпущенный в 1947 г. японский перевод Масао Ёнэкава (профессора русской литературы университета Васэда) (IV) основан на переводах В. Жуковского и А. Югова. Автор в значительной степени следовал А. Югову в делении текста на стихи, признании перестановки в начале памятника и разъяснении «темных» мест. (Интересно заметить, что «Троян» иногда исправлен на «Боян» под влиянием А. Югова, а иногда истолкован буквально). М. Ёнэкава является одним из виднейших знатоков русской литературы XIX в. в Японии, и его стиль в переводе, как и всегда, отличается ясностью и простотой, хотя, к сожалению, толкование не всегда свободно от ошибок, хотя и незначительных. После появления этого первого японского перевода «Слова о полку Игореве» М. Ёнэкава и Дзирō Кубо (профессор русского языка института иностранных языков в Кобэ) написали заметки об этом произведении (VI, VII), каждый опираясь в основном на «Историю древней русской литературы» Н. К. Гудзия. Кроме того, Гэнносукэ Канамото (профессор русской литературы университета Васэда) опубликовал статью, ставящую своей целью проанализировать исторические факторы, служившие фоном древнерусской литературы (VIII). Все это показывает, что среди японских исследователей русской литературы постепенно повышался интерес к «Слову о полку Игореве», особенно с начала 50-х годов.

В 1954 г. появился второй перевод «Слова о полку Игореве» на японский язык, сделанный покойным Киёси Дзиндзай (IXг, XVб). Этот перевод, так же как и перевод М. Ёнэкава, очевидно, основан на современном русском переводе А. Югова. Перевод отличается большими стилистическими достоинствами. Переводчику удалось передать дух подлинника яснее, чем Ёнэкава, но в филологическом отношении, к сожалению, он оставляет желать многого.

Японский перевод «Слова о полку Игореве» Сюдзи Уэно (профессор русского языка университета в Киото) напечатан в его книге, посвященной изучению древнерусского эпоса (X). Автор в своей работе пытается интерпретировать этот памятник в связи с традициями народного эпоса. Однако его попытка, предпринятая без соответствующей аргументации, на наш взгляд, является неудачной. Причина неудачи состоит в том, что автор совсем игнорирует различие между той средой, в которой складывается устное творчество, и исторической средой, в которой появилось «Слово о полку Игореве», идентифицируя или даже смешивая их. Подробным изложением содержания автор обязан введению к «Слову о полку Игореве» Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой (Л., 1952). Что касается самого перевода, то С. Уэно, обещая дать перевод, по мере возможности точный, не объясняет, как ему удалось понять неясные места в тексте или какой текст он принял за основу своего перевода. Истолкование его иногда стилистически неупотребимой оригинальностью.

По поводу появившегося в 1960 г. перевода «Слова о полку Игореве», сделанного Хироси Кимура (преподаватель русского языка университета

Хбсэй) (XVIб), можно сказать то же, что было высказано о переводе К. Дзиндзай. Х. Кимура пользуется переводом Д. С. Лихачева («Слово о полку Игореве». М.—Л., 1952).

Наряду с этими переводами «Слова о полку Игореве», в 50-х годах изданы были две хрестоматии по древнерусской литературе (IX, XV), причем большая часть содержания второй хрестоматии заимствована из первой. С изданием этих хрестоматий японским читателям впервые открылась лучшая часть сокровищ древнерусской литературы. Добавим, что и о былинах написаны были две заметки в послевоенные годы (V, XII). Недавно (1960 г.) появился также перевод нескольких былин, сделанный молодой переводчицей Тиё Сасаки (XVIa).

Как уже сказано выше, все упомянутые переводы «Слова о полку Игореве», так же как и несколько переводов других памятников древней литературы в хрестоматиях, были сделаны на основании современных русских переводов. В этом прежде всего виден научный уровень в области изучения древнерусской литературы в нашей стране.

Между тем возникла надежда на возможность подлинно научного изучения славянской культуры с учреждением Института славяноведения в университете Хоккайдо в 1954 г. Членами отдела литературы института были назначены Нобуюки Китагаки (профессор русской литературы университета Хоккайдо), Юкихико Канэко (профессор русской литературы университета Хитоцубаси) и Сёити Кимура (профессор славянских языков Токийского университета). Другой центр изучения образовался в Киото, на западе Японии, где был организован кружок по изучению древнерусской литературы в конце 50-х годов во главе с Синобу Хисияма (профессор русского языка университета Тэнри) и С. Уэно. В данный момент С. Хисияма занимается переводом Жития Кирилла (текст: Житие Константина философа по рукописи XV века бывш. Московской духовной академии, под ред. П. А. Лаврова. Л., 1930), С. Уэно интересуется былинами, Ивао Ямагути (университет в Киото) специализируется на изучении Новгородской летописи. С. Хисияма и И. Ямагути читали доклады по лингвистическим вопросам на съездах японского общества лингвистов (XVIII, XIX).

В Токио, в университете, С. Кимура начал читать лекции по старославянскому и древнерусскому языкам в 1955 г. В его семинарии читают древнерусские повести и летописи в оригинале, а в последнем академическом году выбрано в качестве текста «Слово о полку Игореве». С. Кимура также опубликовал часть перевода «Слова о полку Игореве» (с подробными примечаниями) в первых номерах «Сурову кэнкё» (Изучение славяноведения) — «Вестника» Института славяноведения университета Хоккайдо (XI). Он намеревается перевести это произведение филологически, возможно точнее по изданию Р. Якобсона и др. (*La Geste du Prince Igor*. New York, 1948), а также Д. С. Лихачева («Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950).<sup>4</sup> Окончание этого перевода ожидается в ближайшем будущем. С. Кимура также принял участие в совместной работе «Сэкай бунгаку нэнпё» (Хронологическая таблица мировой литературы. Токио, 1957). Разделы, написанные им в этой работе, в следующем году (XIII) были собраны, с некоторыми добавлениями, в книгу,

<sup>4</sup> Имеется в Японии и один представитель «скептического» направления. Рёхей Кисаки, профессор русской истории университета Кагосима, в конце прошлого года, опираясь на теории Г. Пашкевича в его «*The Origin of Russia*» (London, 1954), высказал мнение, что «Слово о полку Игореве» было написано в период XVI—XVIII вв. (Сири, 1960, вып. 5, стр. 60—71). В настоящее время Е. Накамура готовится статью с возражениями против этой точки зрения.

в которой автор уделяет немало места литературе древнего периода. Строго филологический метод, введенный С. Кимура в изучение древнерусской литературы в Японии, находит последователей в кружке молодых аспирантов. Во всяком случае со второй половины 50-х годов началась новая эпоха изучения древнерусской литературы в нашей стране.

Сэйдзи Фукуока (университет в Хоккайдо) в «Сураву кэнкю» (т. III) критически суммировал новейшие работы зарубежных ученых по литературным произведениям о первых двух русских святых и перевел «Сказание о Борисе и Глебе» на японский язык (XIV). Характерной чертой работы молодого автора является осторожность подхода к тексту и новым достижениям ученых СССР и других стран.

Есикадзу Накамура (университет Хитоцубаси) прорецензировал работу Н. А. Мещерского о древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия (XVII) и высказал мнение, что автору не вполне удалось доказать свой тезис о том, что все загадочные добавления, существующие в древнерусском переводе памятника, были сделаны по инициативе древнерусского переводчика.

Новая работа Е. Накамура — японский перевод «Слова о погибели Руския земли» и Жития Александра Невского будет помещена со вступительной статьей в следующем номере «Сураву кэнкю».

Выше мы старались вкратце изложить настоящее положение изучения древнерусской литературы в Японии. В самом деле, трудность, стоящая на пути нашего изучения, несказанно велика из-за недостатка материалов, необходимых для изучения, особенно текстов и статей, изданных в довоенные годы в СССР и других странах. Японские исследователи горячо желают скорейшего осуществления серьезного научного изучения древнерусской литературы, которому способствовал бы международный обмен необходимыми работами и материалами.

В конце этой краткой заметки мы помещаем интересные сведения японского свидетеля о личности первого издателя «Слова о полку Игореве» А. И. Мусина-Пушкина. В начале 1780-х годов японское грузовое судно, встретясь с тайфуном, потерпело аварию в Тихом океане. Капитан Кōдаю Дайкокуя, выброшенный с экипажем судна на берег одного из Алеутских островов, приехал после тяжелых испытаний в Петербург в 1791 г., чтобы добиться разрешения вернуться на родину. Здесь он познакомился с придворными Екатерины II, в том числе и с А. И. Мусиным-Пушкиным. В «Хокуса бунряку» (Записках пребывания на Севере), отредактированных Кацурагава на основе рассказов Кōдаю по его возвращении, мы находим следующую заметку:

... Мусин-Пушкин, житель Петербурга, был человеком редкой любознательности. У него было много странных вещей. Среди них большой «элекитер» (?) в 2 кэн шириной и 3 кэн длиной ... Кōдаю также видел у него духовое ружье...<sup>5</sup>

Далее, рассказывая как при отъезде Кōдаю, А. И. Мусин-Пушкин подарил ему английский микроскоп, автор продолжает:

... Он [А. И. Мусин-Пушкин] был человек крайне любознательный... и упрасивал Кōдаю дать ему японские золотые и серебряные монеты, находящиеся у него. Сначала Кōдаю решительно отказался, но потом, по повторившейся просьбе Кирилла [Лаксмана, покровителя японских моряков в России], подарил Мусину-Пушкину, хотя неохотно, 1 рё золотом, 1 рё мелкими деньгами ... и серебряную трубку...<sup>6</sup>

<sup>5</sup> Хокуса бунряку. Под ред. проф. Такаёси Камэй. Токио, Сансьёся, 1937, стр. 264—265. (Кэн — древнеяпонская единица длины, равная 1,8 м).

<sup>6</sup> Там же, стр. 48. (Рё — древнеяпонская денежная единица).

## БИБЛИОГРАФИЯ

- I. Кокусэки Ёидзуми. Россия бунгаку си. (История русской литературы). Токио, Тайсёкан, 1922.
- II. Сёму Нобору. Россия бунгаку гайкан. (Очерки по истории русской литературы). Токио, Хэйбонся, 1933, 469 стр.
- III. Е. Экэмура. Россия нэндайки. (Русские летописи). Токио, Кобундо-сёбо, 1946, 874 стр.
- IV. М. Энэкава. Ёгори гундан. (Слово о полку Игореве). — Россия бунгаку кэнкё. (Изучение русской литературы, журн.), т. II (1947). Токио, Синсэйся, стр. 143—220.
- V. С. Кимура. Буйрина ни дуйтэ. (О былинах). — Бунгэй фукко (Возрождение, журн.), т. I (1948), 1, 2, Саппоро, Ниссан-сёбо.
- VI. М. Энэкава. «Ёгори гундан» кэнкё. (Исследование «Слова о полку Игореве»). — Сёгё сэкай бунгэй. (Мировая литература в опыте синтеза, журн.), т. III (1951), стр. 157—182; т. IV (1952), стр. 122—157, Токио, унив. Васэда.
- VII. Д. Кубо. «Ёгори энсэй моногатари» кэнкё дзэсэцу. (Введение в изучение «Слова о полку Игореве»). — Кобэ гайгодай ронбё. (Ученые записки Института иностранных языков в Кёбэ), т. II (1951), 2, Кёбэ, стр. 24—41.
- VIII. Г. Канамото. Кодай росия бунгаку но хайкэй (фон древнерусской литературы). — Сёгё сэкай бунгэй, т. VI (1953), стр. 110—135.
- IX. Сэкай котэн бунгаку дзэнсю. (Полное собрание мировых классиков), т. XXVII, Россия котэн хэн. (Памятники древнерусской литературы). Токио, Кавадэ сёбо, 1954, 351 стр.
- а. Начальная летопись (пер. Е. Экэмура). б. Из «Хождения» игумена Даниила (С. Кимура). в. Из «Поучения» Владимира Мономаха (С. Кимура). г. Слово о полку Игореве (К. Дзиндзай). д. Повесть о разорении Батыем Рязани в 1237 г. (Ю. Канэко). е. Из «Задонщины» (С. Кимура). ж. Повесть о Петре и Февронии Муромских (Ю. Канэко). з. Повесть о Горе и Злочастии (С. Кимура). и. Повесть о шемякином суде (С. Кимура).
- X. С. Уэно. Кодай росия дзэдзиси — «Ёгори энсэй моногатари» то соно сёкхэн (Древнерусский эпос — «Слово о полку Игореве» и его окружение). Токио, Юсиндё, 1955, 263 стр.
- XI. С. Кимура. Ёгори энсэйдан. (Слово о полку Игореве). — Сураву кэнкё, т. I (1957), стр. 1—7; т. II (1958), стр. 105—111; т. III (1959), стр. 85—92, унив. в Хоккайдо.
- XII. Г. Канамото. Буйрина канкэн. (Краткое сведение о былинах). — Наука но мадо. (Информационный бюллетень книгоимпортной фирмы «Наука»), т. IV (1958), 2. Токио, стр. 1—3.
- XIII. С. Кимура. Россия совёто бунгаку си. (История русской и советской литературы). Токио, Тёбёкронся, 1958, 193 стр.
- XIV. С. Фукуока. Борису то Гурэпу но моногатари — яку оёби кайсэцу. («Сказание о Борисе и Глебе» — перевод со вступительной статьей). — Сураву кэнкё, т. III, стр. 101—124. [Вступительная статья включает обзор работ Н. Н. Ильина «Летописная статья 6523 года и ее источник. Опыт анализа» (АН СССР, 1957), Н. Н. Воронина «Анонимное сказание о Борисе и Глебе» (ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1959, стр. 11—56) и Л. Мюллера (L. Müller) «Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb». (Zeitschrift für slavischen Philologie, t. XXIII. Heidelberg, 1954, стр. 60—77)].
- XV. Россия бунгаку дзэнсю. (Полное собрание классиков русской литературы), т. XXXV. Котэн бунгаку сё. (Памятники древнего периода). Токио, Сёдёся, 1959, 452 стр.
- а. Начальная летопись (пер. Е. Экэмура). б. Слово о полку Игореве (К. Дзиндзай). в. Повесть о Петре и Февронии Муромских (Ю. Канэко). г. Повесть о Тимофее Владимирском (Е. Накамура). д. Повесть о Савве Грудыне (Е. Накамура).
- XVI. Сэкай мэй сисё тайсэй. (Собрание мировых поэтов-классиков), т. I. Токио, Хэйбонся, 1960, стр. 344—381.
- а. Былины (пер. Тивё Сасаки). б. Слово о полку Игореве (Х. Кимура).
- XVII. Е. Накамура. Рец. на «Историю Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе» Н. А. Мещерского (АН СССР, М.—Л., 1958). — Иккё кэнкё. (Труды аспирантов университета Хитоубаси), т. VI. Токио, 1960, стр. 75—83.
- XVIII. С. Хисияма. Способы употребления аориста и имперфекта в Лаврентьевской летописи. (Резюме доклада). — Гэнго кэнкё. (Изучение языка, вестник японского общества лингвистов), т. XXXVII (1960). Токио, стр. 69—71.
- XIX. И. Ямагути. О функции полной и краткой форм прилагательных в древнерусской Новгородской первой летописи старшего извода, т. е. по Синодальному списку XIII века. (Резюме доклада). — Гэнго кэнкё. т. XXXIX (в печати).